

АНДРЕЙ
ГЕЛИАНОВ

Шум & ярость, или Воображаемая история ментального вируса

*A Social History of Analytic Philosophy:
How Politics Has Shaped an Apolitical Philosophy*

CHRISTOPH SCHURINGA

London; New York: Verso 2025. – 336 p.

Теория, правда, изящная. Единственный ее изъян – вероятно, тот же, что и у всех философских теорий: она неверна.

Сол Крипке¹

*Андрей Гелианов
(р. 1987) – писатель,
исследователь
культуры.*

В своей дебютной книге² Кристоф Шуринга – гегельянец³ и профессор философии в Северо-Восточном университете Лондона⁴ – уже с порога ставит вопросы исторического масштаба. Что такое вообще аналитическая философия, как так вышло, что на Западе она заняла в академии безоговорочно доминирующую позицию (став просто «фило-

- ¹ Сол Крипке (1940–2022) – один из ведущих американских аналитических философов. Контекст данного высказывания история, к сожалению, не сохранила.
- ² Полагаем, ее уместно так называть – другая книга автора, «Karl Marx and the Actualization of Philosophy», вышла в 2025 году практически одновременно с этой.
- ³ На официальном сайте автора указано, что он редактор «Hegel Bulletin» – рецензируемого академического журнала Гегелевского общества Великобритании, выходящего с 1980 года.
- ⁴ Государственное учебное заведение, основанное в 2010 году философом Энтони Грейлингом (р. 1949) – одним из главных популяризаторов атеизма, гуманизма и секуляризма в Великобритании.

НОВЫЕ
КНИГИ

256

софией»), к каким последствиям на протяжении XX века это привело – и хорошо ли в итоге вообще получилось?

В качестве ответов автор отстаивает два тезиса (немного их утрируем для наглядности). Во-первых, аналитическая философия – в том виде, в котором принято считать и в котором ее представители хотели бы ее позиционировать, – не существует, или по крайней мере не существовала очень долго, вплоть до последней четверти XX века. Во-вторых, этот несуществующий как цельная система конструкт каким-то образом все же полностью подчинил англоязычный мир, а через капиталистический реализм⁵ – сформированный специфическим квантифицирующим майндсетом аналитиков – и весь мир вообще, и с этим нужно что-то делать. Можно сформулировать основной вопрос так: каким образом аналитическая философия стала правящим классом мысли?⁶

Справляется ли автор с решением этих очень амбициозных задач (шутка ли, бросить перчатку как минимум половине философского человечества)? Скорее нет, но это «нет» заслуживает более пространныго пояснения.

С КЕМ ВОЮЕМ?

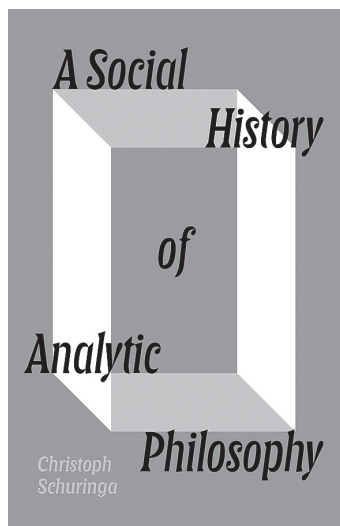
Шуринга действительно объявляет полноценную войну аналитической философии, рассматривая ее как что-то вроде ментального вируса, который нацелен вовсе не на освобождение человека, а на насильственное зашоривание его мышления – к тому же основанное на заведомо ложных и подтасованных предпосылках.

«Так называемой “классической программы анализа” попросту никогда не существовало. В тот самый период, когда принято считать, что она зародилась – до Второй мировой войны, – мы видим лишь разрозненные и враждующие подходы, все до предела методологически самодовольные и непримиримые в основных вопросах. [...] Только после [Второй мировой] войны все эти противоречивые течения были насильственно склеены в то, что окрестили “аналитической философией”. Но и тут никакой подлинной программы не возникло: родился лишь хрупкий и неустойчивый сплав, обреченный на разложение едва ли не с момента, как он появился на свет» (р. 9).

- 5 Шуринга ни разу не использует этот термин, предпочитая ограничиваться расплывчатым «либеральным рынком» и тому подобным: видимо, подразумевается, что читатель уже прочел Марка Фишера и понимает «ситуацию» – в противном случае непонятно, из какой оптики следует читать последние «активистские» главы книги.
- 6 См. также выпуск подкаста «Acid Horizon» (июль 2025 года), в котором Шуринга объясняет основные идеи своей книги: www.youtube.com/watch?v=N20uTBFDSLAA.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ШУМ & ЯРОСТЬ, ИЛИ
ВООБРАЖАЕМАЯ ИСТОРИЯ
МЕНТАЛЬНОГО ВИРУСА

«Это ощутимо и теперь так же, как и в 1972 году, когда Джонатан Ри⁷, тогда еще молодой аспирант Оксфордского университета, писал: “Люди, ничего не знающие о [аналитических] философских курсах, будут, вероятно, поражены и даже огорчены их воздействием. Прежде всего они заметят, что студент философии приобретает подчеркнуто манерный способ речи и умение отмахиваться от серьезных идей с полусутовыми придирками к тем словам, в которых эти идеи выражены”. Речь именно о тех привычках в языке, на которые указывает Ри, вместе с мелочным буквоедством. Сами аналитические философы склонны рассматривать это как проявление своей приверженности точности и “прямоте”» (р. 10).

Во второй половине книги автор и вовсе в какой-то момент называет аналитиков *дегенератами*:

«Опора [аналитиков] на интуиции – это симптом философской дегенерации. В худших проявлениях аналитическая философия мечется, словно шарик в пинболе, между беспочвенной верой в целебные свойства “стимулирования интуиции” [intuition pumping], грозящей породить чудовищные результаты, и вычислительными упражнениями утилитаристов, которые воображают, будто достаточно умны, чтобы вовсе игнорировать интуицию, – и чьи итоги, если уж на то пошло, оказываются еще более удручающими» (р. 236).

Упрекает их в нарциссизме и «белости» – и, нет, потом оказывается, что это вовсе не случайный выбор слова:

«[Аналитическая философия] совершает своеобразный акт двойного забвения. Она забывает, что сама является традицией среди других; и забывает, возможно, даже более примечательно, что она не ровесник “западной философии”. Тем самым она приравнивает деколонизацию к знакомству с “не-западной философией”, то есть с традициями, альтернативными традиции западной философии. В этом акте исчезновения, в котором она сама исчезает из поля зрения, она снова изолирует себя от критической силы деколонизальной мысли. Традицию, которая не существует, нельзя потрогать так же, как белизну, цвет, которого нет, невозможно увидеть» (р. 262).

И обвиняет их, помимо прочих удивительных вещей (о которых далее)... в колонизации деколониального дискурса:

«Это явление достигает своей наиболее коварной и даже извращенной формы там, где аналитическая философия пытается колонизировать оппозиционные, антиугнетательские дискурсы феминизма и критической расовой теории: она колонизирует даже

7 Джонатан Ри (р. 1948) – британский философ, не аффилированный с академией. Автор десяти книг, в том числе «Witchcraft: The Invention of Philosophy in English» (London: Penguin, 2019).

антиколониальное. Более того, она оказывает свое колониальное воздействие даже на движение за деколонизацию учебной программы» (р. 283).

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ШУМ & ЯРОСТЬ, ИЛИ
ВООБРАЖАЕМАЯ ИСТОРИЯ
МЕНТАЛЬНОГО ВИРУСА

Действительно, впечатляющий *vrag* (а автор рисует именно образ Врага с большой буквы), щупальца которого распространились далеко за пределы академии! Как же Шуринга намерен с ним сражаться? Он атакует одновременно и либерализм, и капитализм, и академию, обвиняя именно аналитиков в том, что мы до сих пор живем по логике XVIII века, игнорируя вызовы века XX, как будто ничего не случилось, мол, так и надо. Для дебюта «*A Social History of Analytic Philosophy*» – замах исключительно масштабный, и, к сожалению, нельзя сказать, что в итоге у автора получилось то, что он, как мы можем предположить, задумывал.

Оставим временно в стороне проблемы с конструированием соломенного чучела из оппонента, есть вопросы и посерьезнее: по структуре, стилю и подаче материала. Особенно по стилю. С и без того достаточно нервного академического слога Шуринга постоянно сбивается на анекдоты, злорадные (иначе их не назовешь) ремарки и уничижительные характеристики по отношению к своим оппонентам. Текст, имеющий все внешние признаки академического, на деле написан очень раздраженным, как сейчас принято выражаться, *токсичным*, языком. Авторские эмоции пропитывают даже гладко и правильно изложенные фрагменты книги, изрядно замутняя в итоге ее восприятие, – вот вроде все правильно сказано и предоставлены все доказательные цитаты со ссылками на источники, но зачем же брать *такой* тон?

«Лингвистическая философия, известная так же, как “философия обыденного языка”, ограничивала задачу философии банальной экспликацией повседневной речи – то есть языка, каким он звучит из уст носителей реально существующих языков вроде английского (в противовес искусственным системам, придуманным логиками и математиками). Все так называемые философские проблемы можно было смести одним высокомерным жестом. Их следовало не решать, а “растворять”, как любили выражаться оксфордские философы, избавляясь от самого труда размышлять над ними. Задача оказалась удивительно удобной для людей с классическим гуманитарным образованием: философия фактически выродилась в филологию – изучение не мира, а слов. Логика при этом становилась ненужной; напротив, ее следовало презрительно отвергать» (р. 111).

Из проблемы стиля и подачи почти сразу начинает прорастать и уже к середине становится в полный рост главная проблема «*A Social History of Analytic Philosophy*» – ее бесструк-

турность. Для памфлета вроде «Капиталистического реализма» книга слишком длинна и до сумбураности обстоятельна, а для академического исследования – слишком полемична, лоскутна и зациклена на негативном освещении своего предмета.

Шуринга активно использует для описания всех процессов, связанных с аналитической философией, милитаристскую лексику, в особенности отдавая предпочтение слову *takeover*. Вот один из многочисленных примеров: пять метафор битвы на три маленьких предложения (курсив мой):

«Представленную здесь историю следует понимать как серию *героических атак на крепость* экстенционализма, главными героями которых были Льюис, Пэрри, Маркус и Прайор. *Нападать* на экстенционализм означало фактически *наносить удар в самое сердце* аналитической идеологии. Те, кто *осуществлял эти атаки*, не были аутсайдерами, но, в некотором смысле, они были *иконоборцами*» (р. 200).

Текст, имеющий все внешние признаки академического, на деле написан очень раздраженным, как сейчас принято выражаться, *токсичным*, языком. Авторские эмоции пропитывают даже гладко и правильно изложенные фрагменты книги, изрядно замутняя в итоге ее восприятие.

БОГАТСТВО МЫСЛИ

Вопрос о привилегиях не только академических или расовых, но и аристократических автора категорически не отпускает. В процессе чтения вы узнаете, сколько у кого из персонажей начиная с Бертрана Рассела было слуг и имений, какие курьезы и сумасбродства сопровождали взросление будущих аналитиков. Авторский посыл здесь в том, что такая безумная идея, как логический, очищенный, *правильный* язык, могла возникнуть только в изнеженных головах состоятельных наследников, которые в жизни с *простым народом* не разговаривали и только фантазировали о том, как мыслит «средний человек» (здесь действительно приводится несколько остроумных примеров).

Самый исходно богатый из упоминаемых в книге персонажей – Людвиг Витгенштейн, – правда, резко выламывается из этого правила (он избегал любых аффилиаций и при жизни), но Шуринга, кажется, испытывает к нему какую-то особенную нежность и не устает напоминать, что тот неоднократно менял

свои взгляды и вообще оказался фатально *неправильно* понят своими последователями-аналитиками. Всплывают, впрочем, и интересные анекдоты: например, что тот же Витгенштейн, давно и, по-видимому, навсегда «угнанный» в свой стан аналитиками и левыми либералами, любил на досуге почитать таких (до сих пор) популярных у ультраправых авторов, как Освальд Шпенглер или Отто Вейнингер⁸.

Увы, все это теряется на фоне того, насколько Шуринга не в силах побороть стремление вновь и вновь повторять, как же аналитики беспощадно зациклены на себе и как они истребляют любое многообразие взглядов на философию всюду, куда добираются:

«Аналитическая философия просто не может не считать себя *философией* как таковой – подобно тому, как, как подчеркивал Чарльз Миллс, белые не могут не считать себя *просто человечеством* как таковым. Аналитические философы любят говорить, что существует только “хорошая” и “плохая” философия – и остается только самому сделать вывод, что “хорошая” философия – это та, которую одобряют аналитические философы. [Однако] “плохая” философия может стать “хорошей”, если она соответствует требованиям аналитического подхода» (р. 283).

В принципе, цитировать можно бесконечно. Язвительный факт или уничижительная характеристика в отношении аналитиков найдется почти на каждой странице труда Шуринги. Те во многом заслужили эти претензии. Вот, например, сэр Альфред Айер – один из самых титулованных аналитиков-предтеч – отказывает Хайдеггеру в наличии смысла в его сочинениях на следующем занимательном основании (курсив мой):

«Гегель по крайней мере “притязал на поддержку разума для своих фантазий”, но с Хайдеггером, “ведущим понтификом” того времени, мы попадаем “в край, из которого обычные логические процессы или даже рассуждение любого рода, по-видимому, были изгнаны”. Хайдеггер просто апеллировал, как проповедовал Айер, к опыту страдания⁹, “при условии, что это всегда страдание без какой-либо особой цели”. Это страдание и отвергает “Ничто”. Айер признавал, что у Хайдеггера, похоже, были аргументы в поддержку такой точки зрения, но, *поскольку он основывался “на элементарной ошибке трактовки «ничто» как имени, их вряд ли следует воспринимать всерьез”*» (р. 157).

- 8 Отто Вейнингер (1880–1903) – автор книги «Пол и характер», полной женоненавистнических и антисемитских рассуждений (при том, что автор был евреем из богатой семьи). После публикации 23-летний Вейнингер снял комнату в доме, где умер Бетховен, и застрелился. «Пол и характер» пользовался популярностью в первые годы «третьего рейха».
- 9 На английский язык ключевое понятие философии Хайдеггера, *Angst*, перевели как *anguish* (страдание, тоска, мука), что, вероятно, обеспечило специфическое восприятие его текстов. В русских переводах Владимира Библихина этот термин передается как «ужас», что ближе к оригинальному немецкому значению.

В этом абзаце происходит типичная ситуация, когда аналитическая философия (делает вид, что) пытается понять континентальную: определенные *состояния сознания* или ума, которые описывает оппонент, принимаются просто за *слова*, а так как эти слова *неправильные* (не имеющие денотата в «реальной действительности», под которой, как справедливо отмечает Шуринга, понимается, как правило, уютная кафедра, ведь это *armchair philosophy*), то их можно просто отбросить. Нет слов – нет проблемы.

Кстати, в университете Фрайбурга, некогда главной цитадели Хайдеггера, теперь на соответствующей кафедре изучают только аналитическую философию – порадуемся, что *неправильные слова* изгнаны и никто больше не будет испытывать фантазматический *Angst*.

К сожалению, «A Social History of Analytic Philosophy» изобилует ненужными и отвлекающими деталями – про каждого третьестепенного персонажа и каждую кафедру каждого университета вы обязательно узнаете все биографические вехи от рождения/основания и до нужной автору исторической точки. Чаще всего эти сведения не имеют никакой ценности для повествования, кроме косвенной, подтверждающей уже не раз и не два обозначенные Шурингой тезисы («вы видите, и этот был богатым сыном промышленника», «вы видите, и здесь до явления аналитической философии наблюдался благодатный философский плюрализм взглядов»).

К утилитарным иллюстрациям у Шуринги утилитарное же отношение. Как правило, скрупулезно биографизированные персонажи и кафедры вслед за описанием исчезают из повествования, чтобы никогда больше не появиться. Вставные истории про Венский кружок и Франкфуртскую школу никуда не ведут (так как сотрудничества с аналитиками у них в итоге не получилось) и ничего не добавляют к уже известным многочисленным работам о них – зато занимают довольно много места.

В попытках сымитировать добросовестный академизм, автор даже берет на себя труд составить подробные списки (начиная со страницы 95 и далее эпизодически по всей книге), кто из аналитиков-предтеч на каком фронте и в каких войсках служил во время мировых войн – чтобы потом между делом признать, что никакой значимой корреляции с их дальнейшей философской деятельностью не наблюдается.

Местами возникает ощущение, что у книги не было редактора. Автор описывает круги, передвигаясь между эпохами и персонажами, совершая резкие тематические переходы туда и обратно. Следить за этим непросто – тем более, что куски текста могут буквально повторяться с небольшими вариациями в пределах одной и той же (!) главы:

«Именно Дж.Л. Остин был тем человеком, который старался “улучшить” Витгенштейна, одновременно отрицая, что тот на него повлиял, и насмешливо зовя его “Виттерс”¹⁰» (р. 92).

Но [Дж.Л. Остин] стал презрительно называть его “Виттерсом” и вообще отрицать, что Витгенштейн на него повлиял» (р. 112).

Для большей иллюстративности образа врага Шуринга не стесняется бить ниже пояса и приводить совсем анекдотические истории. Например, автор (чувствуется, что с наслаждением) цитирует откровенно неудачное определение *высшего блага* Джорджем Муром – одним из аналитиков-патриархов, другом и коллегой Бертрана Рассела и Витгенштейна:

«Предельными благами [у Мура] оказываются “определенные состояния сознания, которые можно приблизительно описать как удовольствие от совокупления между людьми и наслаждение прекрасными предметами”» (р. 54).

При этом незадолго до этого Шуринга цитировал юношеское (21 год) письмо Мура, в котором тот утверждал:

«Увы, совокупление, подобно прочим низшим удовольствиям, имеет столь великую притягательность для большинства людей, что они предаются ему ради самого акта, забывая о наслаждении высшем – любви, одной лишь достойной искания и являющейся подлинным к нему проводником. Отсюда рождается чудовищное и противоестественное извращение – соитие с женщиною чаще, нежели требуется для зачатия потомства; отсюда же – содомия и сапфизм, удовлетворение коих исковеркивает или даже умерщвляет способность, врожденно вложенную в каждого человека: способность вкусить блаженство истинной любви» (р. 34).

Чтобы добить образ нелепого и лицемерного пуританина (хотя Мур с тех пор существенно поменял свои взгляды), автор приводит следующий отзыв на его сочинения:

«Книга Мура 1903 года [та самая, из которой приведена цитата о предельном благе] оказала куда более сильное воздействие на широкую интеллектуальную публику, нежели труды Рассела. Восторг, с которым была встречена “Principia Ethica”, достигал прямо-таки истерических высот в кругу, впоследствии ставшем известным как Блумсберийский кружок – туда, помимо прочего, входили две сестры, Ванесса Стивен (впоследствии Белл) и Вирджиния Стивен (впоследствии Вулф), примкнувшие к обществу кембриджских апостолов. Один из членов группы, Литтон Стрэчи, в письме к Муру писал: “Я полагаю, что Ваша книга... разрушила и разметала

10 Шутка, по-видимому, заключается в том, что немецкий корень *wits* (остроумие, интеллект) входит в состав слова *witters* (болтун, празднослов).

в прах все сочинения по этике – от Аристотеля и Христа до Герберта Спенсера и мистера Брэдли¹¹» (р. 54).

Картина складывается смешная. Вот только это намеренно *пропагандистский* образ, который должен выставить Мура глупцом и сформировать у читателя негативное к нему отношение.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

В аннотации и вступлении Шуринга обещает нам рассказать про политические импликации ситуации с аналитической философией – вернее, про декларативную аполитичность этой «просто философии», структурно и по смыслу аналогичную маскировке так называемого капиталистического реализма, который, по наблюдению Фредрика Джеймисона и Марка Фишера, будучи конкретным социально-экономическим явлением, склонен маскироваться под «естественное положение вещей» и «закон природы». Сам автор, правда, формулирует эту задачу довольно расплывчато:

«Большая часть этой книги посвящена критике идеологии, следуя марксистской традиции. Критика идеологии часто рассматривается как имеющая отношение к дебатам о психологизме на рубеже XX века – области, в которой этот подход особенно показателен, учитывая важность институциональных факторов для объяснения существенных философских разногласий в данном случае [...] никто не является просто рупором классовых интересов – даже философы.

[...] Как только мы осознаем, что аналитическая философия, как и родственные ей бихевиоризм и неоклассическая экономика, служит увековечению картины, которая является центральной для буржуазной либеральной идеологии, – картины инертной сферы “фактов”, просто данной субъекту для пассивного восприятия, на фоне которой этот субъект выступает как предположительно автономный и спонтанный, – мы увидим, что ни один отрывок в ее истории не [должен] избежать идеологически-критического рассмотрения» (р. 3–4).

Скажем сразу: это неправда. Большая часть книги посвящена не марксистской критике чего бы то ни было, а просто подробному, *ab ovo* перечислению претензий Шуринги к аналитической философии. Не считая, и то с оговорками, последней

11 Фрэнсис Герберт Брэдли (1846–1924) – британский философ-идеалист, его книга «Appearance and Reality» (1893) считалась в начале XX века классическим трудом по метафизике и активно обсуждалась в Кембридже и Оксфорде. Отцы-основатели аналитической философии Мур и Рассел в своих ранних работах во многом строили свою философскую идентичность на оппозиции к Брэдли и британскому идеализму.

главы, *идеологической критикой* в «A Social History of Analytic Philosophy» можно считать разве что постоянные подмигивания автора по поводу происхождения упоминаемых персонажей, у которых не было нужды постигать реальность во всей ее полноте, как простым людям, и поэтому, мол, им было очень легко воспарить в эмпирей чистой логики и идеального языка имени неправильно понятого Витгенштейна.

Но все же: кто виноват в том, что экспансия аналитической философии приобрела ярко выраженное политическое измерение, раз уж Шурина анонсирует разбор этого смысла? Виноват во всем, как часто бывает в таких случаях, Гитлер. И дело вот в чем. Вследствие его политики в философских кругах Англии и США, куда в 1930-е после прихода нацистов к власти эмигрировали все ключевые германские интеллектуалы, окрепло стойкое и довольно опасное предубеждение. Оно заключалось в том, что происходящая в Европе катастрофа – совершенно закономерное следствие вековой гегемонии в умах идей континентальных философов, которые заигрались с метафизикой и вызвали к жизни «регрессивные социальные силы, которые стремились облечь свои программы в метафизические понятия, такие как *Volk* (народ)» (р. 72):

«Оксфордский философ Генри Прайс заявил слушателям на публичной лекции в Институте философии в Лондоне 14 февраля 1939 года, когда над Европой нависла угроза войны, что “эмпиризм [т.е. ранняя версия аналитической философии] враждебен обману и неясности, догматическому и авторитарному настроению, любому виду *ipse dixit*¹²” и что “те же принципы «живи и дай жить другим», та же неприязнь к обману и авторитету типа *ipse dixit* характерны и для либерализма”. Для эмпиризма философия была “свободным и совместным исследованием, где каждый может выдвигать любую гипотезу, новую или старую, если она имеет смысл”.

Угроза, исходящая с континента, была страшным предостережением: его “тоталитарные политические системы” были “давно отложенным следствием философий Фихте, Гегеля и Маркса или по крайней мере психологических установок, лежащих в основе этих философий”. Но Прайс надеялся, что “если эмпирическая философия сильна сегодня”, то послезавтра может произойти “энергичное возрождение либерализма”. В своих надеждах на возрождение либерализма Прайс не будет разочарован. После войны Бертран Рассел в похожем ключе сказал другой лондонской аудитории, собравшейся 23 октября 1946 года на Четвертую лекцию Национальной книжной лиги в Доме Друзей: “Единственная философия, которая дает теоретическое обоснование демократии и согласуется с демократией по своему складу ума, – это эмпиризм”» (р. 16).

12 Латинское выражение, букв. «он сам это сказал», со времен Средневековья используется для обозначения утверждения, сделанного без доказательств, с отсылкой лишь на авторитет говорящего.

В общем, кто изучает аналитическую философию, будет хорошим демократическим гражданином и поможет строительству хорошего демократического общества, а кто изучает континентальную – станет в итоге фашистом (или того хуже, коммунистом) и построит Освенцим или ГУЛАГ. При всем удивительном примитивизме этой аргументации (даже со скидкой на исторический момент) именно она стала в итоге доминирующим мотивом прихода аналитиков к власти, и в каком-то виде – нередко даже не бессознательном, а артикулированном – сохраняется до сих пор.

Ситуации в 1940-х отнюдь не помогало то, что главный живой флагман континентальной философии того времени – Мартин Хайдеггер – еще в 1933 году занял должность ректора Фрайбургского университета и произнес пламенную речь о любви к НСДАП. В это же время его учитель еврейского происхождения, Эдмунд Гуссерль, был уволен со всех постов, запрещен в печати и, отказавшись эмигрировать, умер в 1938 году в одиночестве. Его печальная судьба, увы, совершенно не остановила аналитиков от критики и обвинения в криптофашизме всех представителей и приверженцев континентальной философии разом (примерно так же, впрочем, как Шуринга фактически обвиняет в буржуазной гегемонии скопом всех аналитиков).

ВАНДАЛИЗМ КАК ПОВЫШЕНИЕ ОСОЗНАННОСТИ

Главную и, кажется, единственную действительно интересную «бомбу» Шуринга взрывает лишь в середине: рациональное аналитическое мышление, подложка и питательная среда капитализма, которое нам кажется естественным законом жизни для разумного гражданина, было придумано конкретными людьми в конкретной организации¹³ в конкретный временной период для конкретных политических целей.

Интересна также теория автора о том, что во многом засилье аналитической философии сегодня – это долгосрочный результат прошедших семьдесят лет назад во времена маккартизма «чисток» кафедр от «подозрительных элементов». Правда, глава, этому посвященная, наверное, самая скучная во всей книге – монотонные подробности преследований, опять третьестепенные лица (с подробным изложением их биографий), богом забытые кафедры... Поток ненужных деталей немного расцветчивается большой вставной историей, как из амери-

13 Речь про основанную в 1948 году и существующую до сих пор некоммерческую исследовательскую корпорацию RAND, в которой работали (и получали зарплату) ряд ключевых для развития аналитической философии фигур.

канского университета увольняли Анжелу Дэвис. Да, отношение к предмету этот сюжет имеет достаточно опосредованное – зато колоритная фигура Дэвис хотя бы немного оживляет страницы.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ШУМ & ЯРОСТЬ, ИЛИ
ВООБРАЖАЕМАЯ ИСТОРИЯ
МЕНТАЛЬНОГО ВИРУСА

Рациональное аналитическое мышление, подложка и питательная среда капитализма, которое нам кажется *естественным законом жизни* для разумного гражданина, было придумано конкретными людьми в конкретной организации в конкретный временной период для конкретных политических целей.

Основные доводы Шуринга приберегает для последних пятидесяти страниц книги: политически заряженные заявления и совсем уже агрессивные нападки на *врага* идут непрерывным потоком, а стремительные перескоки повествования при этом только усиливаются. Так, ближе к концу есть глава «Ethics Against Intuition» (р. 247–251), где Шуринга гладко и без видимого перехода начинает рассуждать о движении эффективного альтруизма, которое он (довольно спекулятивно) выводит из аналитической философии – и отождествляет с ней. На читателя обрушивается ворох, мягко говоря, странно аргументированных обвинений аналитиков во всех проблемах мира. Поминаются мизогиния, харассмент на рабочем месте, педофилия, полиамория (именно в таком порядке) и даже Илон Маск, после чего белый мужчина-философ Кристоф Шуринга совершенно серьезно стыдит аналитиков / эффективных альтруистов в том, что абсолютное их большинство – белые мужчины, а затем благодарит различные феминистские организации за то, что те работают над исправлением данного прискорбного положения дел. Читателю предлагается в том числе следующий удивительный пассаж:

«Эффективный альтруизм имеет очевидные черты культа: помимо сексуального злоупотребления властью, вступающим в движение рекомендуется, согласно утилитаристской идеологии, оставить за дверью свои интуиции. [...]

Ср. высказывание предполагаемого Мессии, Иисуса из Назарета, которое христианские культы использовали в качестве оружия, чтобы контролировать своих жертв: “Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником” (Лука 14:26)» (р. 249; второй абзац является сноской к первому).

Далее идут главы про аналитический марксизм (он Шуринге тоже не нравится как невнятный и буржуазный) и аналитический феминизм, идея которого, напротив, нравится Шуринге настолько, что этот фрагмент пестрит восторженными сносками и заверениями автора в преданности данному движению.

Вообще феминизма в книге так много, и вся классовая критика (точнее, осколки и намеки на таковую) Шуринги так тесно с ним переплетена (женщина – угнетенный класс), что остается подивиться, как в издательстве «Verso» проглядели заведомо выгодную возможность соответствующего позиционирования, подав вместо этого книгу как то, чем она определенно *не* является – как «критику аналитической философии слева». Впрочем, практическая реализация феминизма в аналитическом изводе Шуринге тоже не по душе:

«Аналитический феминизм един в своем служении хабермасовскому проекту¹⁴ создания идеальных условий для функционирования либерального коммуникативного рынка. Обратной стороной этой обеспокоенности либеральным коммуникативным рынком является его [аналитического феминизма] неспособность охватить социальную реальность.

Иногда, имея дело с социальной реальностью, необходимо иметь дело с материальным жизненным опытом реальных людей. Показательным примером этого служит то, что происходит, когда аналитические философы пытаются разобраться со сложностями трансидентичности» (р. 277).

Очень сложно понять, что имеет в виду автор – ведь должна же быть в книге какая-то логика или, может, даже какие-то предложения по поводу того, что делать в данной безнадежной (по мнению Шуринги) глобальной ситуации? И, в конце-то концов, где же обещанная марксистская критика? Вместо нее (или в качестве эрзаца) далее рассказывается о социальной пользе движения *Black Lives Matter* и несчастья, приключившегося с Джорджем Флойдом, а также историю о сносе в ЮАР памятника колонизатору толпой студентов – в качестве примера повышения уровня «осознанности» в сфере высшего образования:

«В 2014 году Университетский колледж Лондона выпустил онлайн-видеоролик под названием “Почему моя учебная программа белая?”, в котором приняли участие студенты и преподаватели...

14 Юрген Хабермас (р. 1929) критиковал современный либеральный рынок за доминирование стратегической рациональности над коммуникативной (огрубляя – за капиталистическую ориентацию рынка на выгоду в ущерб действительным нуждам и проблемам людей). В каком смысле здесь его (единственный раз за книгу) упоминает Шуринга, ясно не до конца – судя по всему, автору не нравится, что все эти хорошие начинания продолжают все равно оставаться в рамках либерального капитализма (и, соответственно, аналитической философии).

В 2015 году студенты Кейптаунского университета инициировали кампанию “Роудс должен пасть”. Эти усилия способствовали повышению уровня осознания “белизны” учебной программы по философии, как и по другим дисциплинам» (р. 284).

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ШУМ & ЯРОСТЬ, ИЛИ
ВООБРАЖАЕМАЯ ИСТОРИЯ
МЕНТАЛЬНОГО ВИРУСА

Какое это имеет отношение к философии, аналитической или не очень, – кроме наглядной демонстрации, насколько резко снизились текущие академические стандарты в Европе, – не понятно.

Но что же, в конечном счете, автор предлагает? Может быть, возрождение континентальной философии (раз он гегельянец)? Увеличение доли женщин и представителей небелых рас в английской и американской академиях? Социалистическую революцию, наконец?

Читатель, который найдет в себе силы дочитать труд Шуринги до конца, не получит ответа на этот вопрос. После трехсот страниц книга просто обрывается следующим текстом, который, видимо, суммирует взгляды и предложения автора по поводу переустройства мира:

«Множество альтернативных традиций – африканская философия, китайская философия, коренные “американские” философии и прочие – сейчас втиснуты в [определенную] роль, которая вполне закономерна, если учесть общий способ функционирования аналитической философии как гегемонистской формы философии, обслуживающей либерально-колониальный капитал. Мы уже видели, что аналитики готовы допустить феминисток в либеральный “рынок идей”, нейтрализуя “феминистскую точку зрения” посредством растворения ее в аморфном витгенштейнианском “мы”¹⁵; что они умеют возвращать теоретиков критической философии расы обратно под “покров неведения” – теперь с учетом исторических несправедливостей, которые благополучно улаживаются в рамках тех же самых абстрактных расчетов.

Точно так же возможность деколониальных форм философии бросить вызов гегемону в его самом основании блокируется заранее – с помощью упреждающей колониальной позиции. “Незападная философия” может фигурировать лишь как совокупность “альтернатив” гегемону, который, не без лукавства, сам себя теперь преподносит как “западную философию”. Можно даже искать связи между разными традициями. Но либеральное ядро при этом остается неприкосновенным.

Эта колоссальная хрупкость не должна быть поставлена под сомнение, иначе разоблачится ее фиктивная инклюзивность. Традиция эмпиризма-либерализма, берущая начало у Юма и продолженная аналитической философией, несмотря на ее самодовольно-невежественный образ самой себя как просто “философии вообще”,

15 Видимо, имеется в виду манера философов говорить за всех людей сразу, так, в «Логико-философском трактате»: «2.1. Мы создаем себе картину фактов» и далее.

по праву содрогается при мысли о гневе, который может обрушиться, если будут высвобождены подавленные ею критические силы» (р. 286).

Сложно понять, что же именно Шуринга хотел сказать и от каких именно «критических сил» аналитическая философия должна *содрогнуться* – явно не от этой книги, которая в тематических философских интернет-сообществах уже вызвала насмешки.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ МЫТАРСТВА

Для русскоязычного культурного мира положение дел, с которым воюет Шуринга, достаточно умозрительно. Россия, изначально почти не знавшая никакой философии, кроме религиозной (и вольных пересказов немецких мыслителей), затем на семьдесят лет увязшая во вполне континентальном марксизме-ленинизме¹⁶ и очаровавшаяся после распада СССР континентальными же французами, к аналитической философии всегда имела отношение скорее по касательной. Там, где на российском поле аналитическая философия все же проросла, она на первый взгляд как будто была воспринята¹⁷ в несколько странном виде, не слишком похожем на того голема ригидности, с которым воюет Шуринга:

«Аналитическая философия включает в себя спектр философских дисциплин. К сожалению, к настоящему моменту в России большинство исследований, ведущихся в парадигме аналитической философии, – это исследования в области философии языка или философии сознания. К метафизической проблематике отечественные философы обращаются прежде всего в связи с вопросами философии языка. Практически отсутствуют аналитические работы в области эпистемологии. Единичными являются исследования (преимущественно историко-философского характера), относящиеся к этике и политической философии».

О какой же метафизике идет речь применительно к традиции, которая, как настаивает Шуринга, изначально стремилась освободиться от всякой метафизики и вообще от всего неоднозначного, чтобы сосредоточиться на игре в слова? А вот, оказывается, есть аналитическая метафизика, о которой подробно писали¹⁸ еще десять лет назад:

16 Впрочем, Шуринга цитирует Ленина чуть ли не как одного из предтеч аналитической философии (р. 67, 82).

17 Иванов Д.В. *Рецепция аналитической философии в России* // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 106–117.

18 Лакс М.Д. *Метафизика в аналитической традиции* // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 5–15.

«[Питер] Стросон был выходцем из традиции обыденного языка. И хотя он требовал обращать пристальное внимание на то, как наши концепции находят разное выражение в разных областях языка, он также настаивал, что нам необходимо выйти за рамки анализа обыденного языка и обратиться к общим концептуальным схемам. Согласно Стросону, данное мероприятие и есть занятие метафизикой. Стросон выделял два стиля метафизики: дескриптивная метафизика, задача которой состоит в описании используемой нами концептуальной схемы, и метафизика ревизирующая, задача которой – предлагать другие, новые концептуальные схемы».

И даже, оказывается, существуют полноценные исследования¹⁹ только по теме аналитической метафизики. Ситуация, по-видимому, несколько сложнее, чем черно-белая картина жесткого противопоставления метафизической континентальности и логической аналитики, которую рисует в первой половине книги Шуринга. Впрочем, во второй половине он все-таки признает метафизику в аналитической философии – но оставляет напоследок, чтобы разделаться с ней всерьез:

«Нет никаких сомнений, что с импульсом, заданным [Солом] Крипке и [Дэвидом] Льюисом в начале 1970-х, метафизика ныне является ядром аналитической философии. В каждой программе бакалавриата теперь имеется как минимум один курс под названием “Метафизика”, который, как утверждается, должен ознакомить студентов с “природой реальности”. Но как вообще могло случиться, что это повторное импортное метафизики в философию было принято аналитическим истеблишментом? [...]»

Хотя Льюис, в особенности, возвышается над всей дисциплиной, само “льюисанство” как социальная формация печально лишено того философского пыла, который характеризовал его самого. Идея о том, что философские тезисы можно “взвешивать” посредством “анализа издержек и выгод”, словно бы профессия философа являлась разновидностью инженерии, составляет унылую основную массу его наследия. Более того, должно вызывать удивление то, что современные метафизики, заявляя о своей принадлежности к особой строгости [метода], якобы связанной с аналитической философией, в действительности строят свои аргументы на собственных интуициях, рожденных “в кресле”» (р. 200).

Рассказ про метафизику затем вдруг обрывается – и начинается описание (со множеством формул и спецсимволов) сложноватого для неподготовленного читателя спора нескольких философов о том, как правильно понимать модальную логику. Если это и была иллюстрация к проблеме метафизики в аналитической философии, то мы вновь вынуждены признать, что не понимаем, что именно Шуринга намеревался продемонстриро-

19 Кононов Е. *Аналитическая метафизика. Тематический обзор*. М., 2023; из европейских публикаций см. также: STROLLO A. *Between Science and Logic: Securing the Legitimacy of Analytic Metaphysics*. Trieste, 2024.

вать. Модальная логика предоставляет аналитикам инструменты для анализа метафизических понятий – например, необходимость, возможность, сущность и существование. И что дальше?

А дальше автор оказывается в ситуации, когда вынужден заявить: да, метафизика в аналитической философии есть, но это неправильная, ненастоящая метафизика:

«Современным аналитическим метафизикам, пожалуй, стоило бы помнить, что их герой [Уиллард] Куайн утверждал: правильность онтологической теории зиждется ни на чем ином, как на подражании естественным наукам» (р. 213).

«Современные аналитические метафизики привычно предают тому, что сами же зовут “кресельной”, “приорной” или даже “спекулятивной” метафизикой. Классический пример – монография “Four-Dimensionalism” (2001) Теодора Сайдера, где доказывается “онтология материального мира, согласно которой объекты имеют не только пространственные, но и временные части”, причем сам автор определяет ее как “работу по спекулятивной онтологии”» (р. 227).

«Сегодняшние аналитические метафизики любят повторять, что они “рассекают природу по суставам”. Но у них нет для этого никакого метода, кроме как пересказывать данные науки – пока не решат, что их следует “переопределить” в пользу здравого смысла или “обыденных” верований. Эта методологическая дряхлость не осталась незамеченной. “Кресельная” метафизика [Джонатана] Шаффера и Сайдера вызвала резкую критику даже внутри аналитической философии. Джеймс Лэйдиман и Дон Росс писали, что аналитическая метафизика “не заслуживает имени просвещенного поиска объективной истины и должна быть прекращена”. Джеймс Маклорин и Хизер Дайк задали уместный вопрос: “Зачем вообще нужна аналитическая метафизика?” Их ответ однозначен: она, похоже, ни для чего (хорошего) не нужна» (р. 228).

Непонятно, что же Шуринга хочет обсуждать относительно метафизики, если он в принципе отказывает своим оппонентам не то что в позиции – в *существовании* как философам, настаивая, что они всего лишь сборище шарлатанов, которые произвели рейдерский захват философии, превратив ее в слоблудие и карго-культ науки.

ЧТО БЫ СДЕЛАЛО ЭТУ КНИГУ ЛУЧШЕ

Мы столкнулись с достаточно уникальной ситуацией: не очень понятно, что именно в труде Шуринги следует рецензировать, поскольку фактическое содержание книги не соответствует ни издательской аннотации, ни интенциям и методам, которые сам автор анонсирует во введении. Более того, «A Social History of

Analytic Philosophy» с большим трудом соответствует академическим стандартам вообще, ценность проведенного исследования практически сводится на нет выбранным стилем подачи, а итоговый посыл автора остается по меньшей мере смутным.

Это печально, ибо феномен аналитической философии и то, как ее декларативная аполитичность и стремление к «чистоте разума» оказали беспрецедентное влияние на формирование текущего политэкономического *status quo*, – это очень интересная, серьезная и актуальная тема.

Можно было бы, например, задаться вопросом: а почему, собственно, аналитическая философия, которая всегда начинается за здравие, всегда заканчивается так, как описано в рецензируемой книге? Ответ мог выглядеть, к примеру, так: аналитическая философия – это буквально *дисциплина*, адепты которой учат людей, как им правильно говорить и как правильно думать. В силу этого она будет структурно склонна к тоталитаризму: кто-то же определяет нечто как «правильное», а итоговый переход в политически «правое» (каким бы бесконечно *формально* левым оно ни было) – уже вопрос одного ситуативного суффикса.

**Аналитическая философия – это буквально }
дисциплина, адепты которой учат людей, как им }
правильно говорить и как правильно думать. В силу }
этого она будет структурно склонна к тоталитаризму: }
кто-то же определяет нечто как «правильное».**

То, что автор «зарезал» прекрасную тему столь небрежным и эмоциональным исполнением, не значит, что следует махнуть рукой на поставленные выше вопросы. Вместо этого попытаемся еще раз проанализировать заявленную проблематику и даже предложить пути ее развития. Давайте помечтаем, какой эта книга *могла бы быть*, возьми автор на себя труд раскрыть практически любую из тех тем, которые он чуть-чуть намечает и бросает на полпути, увлекшись новой антианалитической инвективой.

Возьмем для примера три таких темы.

1. Аналитическая философия, проблема сознания и нейросети

Шуринга очень вскользь касается темы *квалиа* (само слово не упоминается в книге вообще) и физикалистской модели созна-

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ШУМ & ЯРОСТЬ, ИЛИ
ВООБРАЖАЕМАЯ ИСТОРИЯ
МЕНТАЛЬНОГО ВИРУСА

ния, которой придерживаются аналитики, – хотя на странице 245 добросовестно целиком приводит описание мысленного эксперимента «Китайская комната»²⁰ Джона Сёрла²¹, рожденного в диалоге с философом-аналитиком Дэниэлом Деннетом²², а в другом месте в самом начале мельком упоминает то, что можно было бы рассмотреть гораздо детальней:

«Бихевиоризм был, пожалуй, самым выдающимся примером непреодолимой тяги [аналитиков] к копированию всех форм исследований по образцу естественных наук.

Программа быстро провалилась, не в последнюю очередь потому, что сама себя не оправдала. Животные, участвовавшие в экспериментах, вели себя не так, как предсказывали бихевиористы: они не просто не повторяли одни и те же реакции на стимулы, но, по видимому, страдали от “инстинктивного дрейфа”, кажущегося необъяснимым возврата к своим естественным склонностям. После 1959 года, когда разгромный обзор Ноама Хомского “Вербального поведения” Б.Ф. Скиннера вогнал длинные гвозди в гроб бихевиоризма, его основные импульсы были перенаправлены на озабоченность компьютерами, заменяющими сознательных агентов.

Сегодня эта тенденция находит свой аналог в одержимости аналитических философов “искусственным интеллектом”, якобы аналогичным сознанию. ИИ, которыми они одержимы, такой, как большие языковые модели²³, являются не чем иным, как очень сложными статистическими предикторами и, следовательно, совершенно отличаются от сознательного разума» (р. 14).

Отличная тема, развертывание которой само по себе могло бы занять большую главу, если не целую книгу – проследить, как именно благодаря аналитическому подходу, который гармонично транспонировался в техническое мировоззрение *специалистов*, у нас теперь и имеются нейросети, зачаровавшие большую часть человечества.

Начать можно было бы с того, что новости сегодня все чаще пестрят заголовками: такой-то совершил убийство или самоубийство после диалога с *ChatGPT* или в лучшем случае просто

20 Эксперимент «Китайская комната» заключается в следующем. Человек, не знающий китайского, сидит в комнате с инструкцией на английском и, следуя правилам составления иероглифов, выдает через щель в двери наружу ответы, которые для носителя языка выглядят осмысленными. Тезис Сёрла состоит в том, что компьютер, выполняющий программу (в том числе и современная нейросеть), лишь имитирует понимание, но в действительности его нет.

21 Джон Сёрл (р. 1932) – американский философ, профессор Калифорнийского университета в Беркли, теоретик искусственного интеллекта. По итогам дискуссии про возможность существования ИИ вполне в духе Шуринги обвинил своего оппонента Дэниэла Деннета в «умственной неполноценности».

22 Дэниэл Деннет (1942–2024) – американский философ и когнитивист, наиболее известный за свое отрицание квалиа и вообще существования сознания в классическом смысле. В понимании Деннета (курьезно близком к буддизму) сознание – это множество информационных потоков, которые конкурируют между собой за доступ к мозгу, а то, что мы принимаем за «себя», – это просто инфопоток, который активен в данный момент. Исходя из такого представления никаких проблем с созданием «ИИ» по аналогичной модели Деннет не видел.

23 *Large Language Model (LLM)*, самый известный пример – *ChatGPT*.

сошел с ума. Почему это происходит? Потому что аналитическая философия и физикалисты научили нас, что человеческая речь должна быть точна и строго функциональна, а любые сложные и мутные вопросы – от платоновского высшего блага до хайдеггеровского бытия (и, возможно, до классового сознания) – это просто языковые галлюцинации.

Надо «быть проще» и говорить лишь про те объекты и ощущения, что действительно существуют или из них выводятся. Строить правильную, гармоничную речь, всегда быть способным пояснить, что именно ты имеешь в виду. Сознания как чего-то сверх аналитического разума не существует, следовательно, философский зомби невозможен, потому что в рамках этой модели мира такой зомби – просто каждый из нас. Существует только речь – *правильная* или *неправильная*. Правильную речь надо слушать, неправильную корректировать.

Это и есть логика существования нейросетевых чат-ботов – правильная речь без субъекта, которую человеческое сознание (существует оно или нет) воспринимает как другое сознательное существо и реагирует поэтому на словесные комбинации робота как на серьезное высказывание собеседника. И если тот убедительно аргументирует, почему, например, заменить пищевую соль бромидом натрия безопасно, то к нему стоит прислушаться (и попасть²⁴ потом в неотложку).

Континентальная философия с такой проблемой разделалась бы очень легко: робот не человек, чем там очаровываться? – но вот обосновывать это (что такое робот? что такое человек?) пришлось бы неизбежно за счет привлечения метафизики и возобновления спора о том, что есть субъект (что его характеризует – свобода воли, душа, открытость бытию, способность осознавать движение абсолютного духа или, там, ризомы со складками – выбор огромен). Справился бы Шуринга с этой задачей? Загадка: хотя и гегельянец, автор подозрительно избегает любых контраргументов со стороны континентальной философии – и вообще практически ее не касается за все три сотни страниц, кроме пары анекдотов про Жака Деррида.

Но тогда для развития темы можно было бы привлечь, например, не философов, а ученых, которые также участвовали в 1980-е в этом глобальном полилоге о возможности искусственного интеллекта (ИИ) наряду с аналитиками Сёрлом и Деннетом – Роджера Пенроуза²⁵ или Дугласа Хофштадте-

24 См.: www.theguardian.com/technology/2025/aug/12/us-man-bromism-salt-diet-chatgpt-openai-health-information.

25 Сэр Роджер Пенроуз (р. 1931) – британский ученый, лауреат Нобелевской премии по физике 2020 года. Как исследователь сознания выпустил книгу «Новый ум короля» (1989), в которой усомнился, что сознание можно описать алгоритмом (то есть аналитически) и, следовательно, создать его цифровую копию («ИИ»). Пенроуз предполагает, что сознание основано на пока не открытых физических микроструктурах наподобие «квантовых процессов в микротрубочках внутри нейронов».

ра²⁶, у которых были свои оригинальные теории, не противоречащие притом принципиальному физикализму аналитиков. В этом случае дискуссия вышла бы за пределы исключительно философского дискурса – но раз автор и так производит эту вылазку в финале книги (правда, в сторону политического активизма), то почему бы не преподнести проблему в гораздо более многоплановом виде?

2. Квантификация и капреализм

Под самый конец книги Шурина намечает одну из ее потенциальных силовых линий (остающуюся, увы, нераскрытой):

«Идеология аналитической философии остается либеральной. Ее участники воображают себя вступающими в либеральный “рынок идей”. Считается, что именно через свободное обращение на этом рынке лучшие идеи и “побеждают”. Каждому, как предполагается, открыт вход на рынок – всякий якобы может свободно войти и принять участие в процессе обмена. Но условия доступа в расчет не берутся: принимается как данность, что все – равные и суверенные индивиды. Поддержание этой фикции “равного доступа”, разумеется, служит все тем же интересам, что и в случае реального товарного рынка: интересам тех, кто на деле обладает властью» (р. 265).

Выводы из этого Шурина, правда, делает своеобразные и довольно краткие. Но можно ведь было бы и серьезно задуматься: а как *квантификация* (десяток раз поминаемая в книге), идея принципиальной количественной измеримости эффективности всего-всего, от ценности информации (в том числе философской) до государственных реформ, сформировала текущий ландшафт времени и событий? Почему распространение аналитической философии, которая открыто позиционировала себя как *правильный*, демократический (=неолиберальный) выбор разумного человека, совпадает хронологически – и, вероятно, даже географически – с экспансией капиталистического реализма?

Можно было бы поставить вопрос: капиталистический реализм вызывает депрессию, безнадежность и отупение, лишая разум любого возможного будущего, – а что в таком случае вызывает аналитическая философия, для которой мир состоит из правильных постигаемых объектов, описываемых правиль-

26 Дуглас Хофштадтер (р. 1945) – американский физик и информатик, исследователь сознания и теоретик ИИ. Получил известность благодаря книге «Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда» (1979), за которую получил Пулитцера. В этом труде Хофштадтер предполагает, что мысли человека рекурсивно ссылаются друг на друга, создавая, в конечном счете, сложную петлю самосознания.

ным языком? Да, наверное, то же самое, ведь в подобном способе мышления невозможно ничто принципиально новое, как и в капреализме: лишь все больше и больше того же самого. Для деталей потребовалось бы большое исследование с примерами; хочется верить, что кто-нибудь этим однажды займется.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ШУМ & ЯРОСТЬ, ИЛИ
ВООБРАЖАЕМАЯ ИСТОРИЯ
МЕНТАЛЬНОГО ВИРУСА

3. Угон лингвистического поворота и провал проекта 1960-х

Так же в самом конце Шуринга вскользь отмечает еще один очень важный момент:

«Упомянутые фигуры – это аналитические философы традиционного толка, продолжающие методологически прежнюю линию, но теперь применяющие методы и “инструменты” аналитической философии к предметным областям, которые аналитическая философия ранее игнорировала.

В некотором смысле ситуация противоположна той, которую должен был представлять “лингвистический поворот”: в случае лингвистического поворота предмет должен был оставаться прежним, хотя методология должна была быть радикально переосмыслена» (р. 265).

Шуринга упоминает действительно интересный факт, который имеет большое значение для повествования. Вероятно, на излете 1960-х произошло следующее: «лингвистический поворот», крайне интересный и перспективный прорыв в гуманитарных науках, начатый исследованиями структуралистов вроде Клода Леви-Стросса, оказался «угнан» представителями аналитической философии, которые обратили и его в свои бесконечные словесные игры. Иронично, что, судя по всему, это началось уже с публикации Ричардом Рорти одноименного сборника статей «Лингвистический поворот» в 1967 году. Шуринга цитирует Рорти, который не особенно скрывает цели и методы действия аналитиков того периода (курсив мой):

«В начале 1950-х аналитическая философия начала завоевывать американские философские кафедры. К великим эмигрантам – Карнапу, Гемпелю, Файглю, Райхенбаху, Бергману, Тарскому – стали относиться с заслуженным уважением. Их ученики стали назначаться на самые престижные кафедры и занимать там руководящие должности. Кафедры, не поддерживавшие этот тренд, начали терять свой престиж. К 1960 году сложился новый набор философских парадигм» (р. 125).

Сложился, значит, видимо, сам собой, благодаря естественному закону природы. Интересно другое: в чем исходно за-

ключался потенциал лингвистического поворота до захвата направления аналитиками, к чему это могло привести и не стала ли эта ситуация, в конечном счете, *ключевым моментом* в провале гуманитарных революций 1960-х?

Тема сложная для обсуждения и даже для формулирования. Из 2025 года не разглядеть, что могло бы быть, потому что наши представления сформированы как раз теми, кто в этой борьбе (повторимся, сам факт которой сегодня неочевиден) исторически победил. Хотелось бы узнать об этом больше, но, хотя в книге Шуринги словосочетание «лингвистический поворот» упоминается 86 раз, контуры темы только намечены и также еще ждут своего раскрытия.

Закончить хотелось бы цитатой об упоминавшемся выше Эрнсте Бергмане:

«В 1960 году Бергман писал о “лингвистическом повороте” как о “фундаментальном методологическом маневре, в котором сходятся философы обычного и идеального языка”, и характеризовал его следующим утверждением: “Все лингвистические философы рассуждают о мире посредством рассуждений о подходящем [для его описания] языке”. Трудно отделаться от впечатления, что Бергман так и не разъяснил, что именно он подразумевает под термином “лингвистический поворот”. Ситуация отражает общую путаницу, окружающую эту идею. Должно быть, за этим стоит нечто большее, чем просто рефлексия о языке; ведь философы всегда ею занимались.

Но если это некий особый “методологический маневр”, то что именно это может быть? Что дает философу право прояснять или, напротив, реформировать язык каким-либо заведомо полезным способом? Разве язык не должен, в конце концов, сверяться с реальностью? Не утратили ли мы в итоге весь смысл предполагаемого лингвистического поворота?» (р. 179).